

ЧУДО БЕЗ ПЕРЬЕВ

АЛЕКСАНДРА ГЕВОРНЯН
Родилась в 2002 году
в Москве, окончила Лицей
НИУ «ВШЭ», студентка
3-го курса Литератур-
ного института имени
Горького. Писать начала

с пяти лет, в четвертом
классе заняла первое
место по Центральному
федеральному округу
во Всероссийском литера-
турном детском конкурсе
«Планета Чуковского».

Глава 1. Тети-Наташин племянник кузена сына свояченицы брата деда

Валик редко запоминал свои сны. Но этот почему-то отпечатался в памяти во всех подробностях, как будто это не сон, а воспоминание. Хотя, будь это воспоминанием, Валик бы точно знал, с кем именно говорил.

Ему приснилось крылатое существо. Лица Валик не видел, потому что тот стоял к нему спиной, сверкая блестящими белыми перьями. Голос у существа был или высокий мужской, или низкий женский, не определишь. Да и вряд ли оно хотело быть узнаваемым, иначе повернулось бы лицом.

– Почему ты не любишь отсюда уходить? – спросило существо, будто сны Валика были конкретным местом. – Ведь в твоём мире и так полно красок.

В последнее время Валику часто снились цвета. Сюжеты таких снов он не разбирал, но каждое утро, просыпаясь, он ровно на две секунды становился абсолютно счастливым. До тех пор, пока не осознавал, что больше не спит.

– Дело не в красках, – ответил Валик. – Когда я сплю, мне кажется, что я не один. Но потом я просыпаюсь.

– И из-за этого ты несчастлив?

Валик пожал плечами:

– Никто не радуется тому, что я проснулся.

В этот момент он проснулся и, как ни старался, в сон вернуться не смог. Наутро, естественно, ничего не случилось: Хагрид не пришел сказать ему, что он волшебник, Гэндальф не забрал с собой в эпический поход, зато пришла мама – сказать, что он опаздывает в школу.

Весь первый урок Валик разглядывал свой класс так, будто видит его впервые, оценивая одноклассников: кто из них мог бы сойти за тех, кого забирают в школу волшебников? В каждом нет-нет да нашлось что-то примечательное. А Валик был... ну... просто Валик. В наши дни легко быть не как все. Для этого нужно просто не пытаться быть особенным.

У Валика были светлые, естественного цвета волосы, серые, без цветных линз, глаза на узком угловатом лице. Он носил единообразные темные водолазки и объемные худи, не вел блог или канал в «Тик-токе», тихо сидел в «Вк» и потреблял из ленты бесполезную информацию. Когда некоторые его одноклассники громко трепались о самоубийстве, закатывал глаза: можно подумать, если их жизнь никому не нужна, кому-то будет дело до их смерти. В ней же, как и в жизни, тоже должен быть смысл. В отличие от своих одноклассников, Валик это понимал и не скулил – его смерть уж точно была

бы бессмысленной. От нее никому не станет ни холодно, ни жарко.

Друзей у Валика не было, и вряд ли это было сознательным решением. Он и сам толком не понимал, как так вышло, просто... ну... не сложилось. Бывает. Куча людей не имеют ни одного друга и все равно справляются как-то со своей жизнью. У Валика было кого попросить скинуть домашку или предупредить об опоздании, так что и на том спасибо.

Долго с кем-то разговаривать он не умел, темы быстро иссякали, и он пялился в экран телефона, не зная, что еще может сказать. Что было у него в жизни, чего не было у других? Школа, уроки – это есть у всех, и говорить об этом скучно, да и не особо хочется. Хобби? Лента у всех своя, на кидании мемов далеко не уедешь. У него была целая коллекция диалогов, состоящая только из обмена мемами и картинками. В реальной жизни эти люди с Валиком даже не здоровались, а он был не из тех, кто берет на себя инициативу. Поэтому у него и не было друзей: вероятно, в глазах окружающих он страшно скучный. Если бы к ним в школу пришел Хагрид, он бы, наверное, подумал, что ошибся адресом: какие из них волшебники? Из Валика точно никакой.

Дома он получил от мамы СМС с «радостной» новостью: ему привалило работы. Помимо обычной домашки и рутины (помыть посуду, вытереть пыль, пропылесосить), велено было встретиться с вокзала какого-то дальнего родственника из Казани. Они с мамой были там прошлым летом, но Валик не помнил, чтобы у них в этом городе имелись какие-то родственники. «Тети-Наташин племянник кузена сына свояченицы брата деда», – скрупулезно пояснила мама в эсэмэске. Валик сбился на слове «кузен» и просто поехал на вокзал (естественно, он не помнил никакой тети Наташи). Для мамы семья – святое, особенно когда надо что-то сделать, ни во что толком не вникая.

Мама у него была хорошая, потому что редко на что-то ругалась, но Валику этого казалось недостаточным. Ему вообще было недостаточно мамы: она все время была занята. Если бы у него было с кем провести свободное время, он бы так сильно на эту тему не заморачивался – взрослые люди, у всех своя жизнь. Но друзей у Валика не было, и каждый раз, возвращаясь домой, он чувствовал запах пустой квартиры.

Тем не менее ему было не в чем упрекнуть маму. Дело было в отсутствии у Валика папы, ко-

торому мама активно пыталась найти замену. Так что, выходит, все делалось для него.

Родители развелись, когда ему было девять, и Валик не сильно на них обиделся. Подумаешь, у половины его класса не было отцов. Первые два-три года послеразводной жизни папа постоянно повторял, что Валик по-прежнему его сын, что ничего не изменилось, и стал проводить с ним намного больше времени, чем до развода. И зря, поскольку все запасы отцовской любви за эти три года исчерпались. Контакты бывали все реже, а потом папа и вовсе перестал приезжать, ограничиваясь звонками на день рождения. Валик знал, что так будет, и опять не обиделся. Или ему только хотелось думать, что он не обиделся. Потому что нормальные люди не обижаются, когда им все понятно. И Валик все понимал, но от этого не становилось легче.

Со времен расставания с папой мама почти не выпускала из рук мобильник. Она все время кому-то писала, звонила или и то и другое. Сначала она говорила, что это звонки по работе, и лишь через некоторое время, сочтя Валика достаточно взрослым, открыла правду: она ищет ему отца. Точнее, себе мужа, мысленно перевел Валик и сделал вид, что страшно удивился. Убеждать маму в том, что, если она немного чаще будет с ним разговаривать, никакой новый папа им не понадобится, Валик не стал – понимал тогда, что бессмысленно, понимает и сейчас. С мамой вообще было бесполезно разговаривать о чувствах: единственной допустимой эмоцией у мужчины она считала злость. Собственно, злился Валик как раз не так уж часто, большую часть времени он скорее тосковал. В идеале он хотел бы обсудить то, что его волнует, в том числе мысли, идеи и чувства, но у мамы для этого было слишком много дел. Еще Валику хотелось, чтобы мама, или папа, или кто-нибудь еще провели бы с ним какое-то количество времени, разговаривая и не глядя в телефоны. Для этого, видимо, надо быть интересной личностью, тогда тобой будут интересоваться. А жизнь Валика даже его собственная мама интересуется только в отношении того, насколько точно он следует ее правилам. Значит, он, вероятно, чертовски скучный.

Валик вылез из поезда на «Комсомольской» и, пока прыгал по эскалаторам, попытался представить себе этого «родственника». Первое, что пришло в голову, – крикливый безработный предприниматель. Приехал в Москву с бесценным товаром типа овощерезок или супермыльниц,

С домашкой они худо-бедно справились. Правильно или нет, проверять никто не станет. Мама написала, что придет поздно (как будто она когда-то приходит рано), поэтому велела соблюдать привычные указания: допоздна не сидеть, спать в одиннадцать, ужин разогреть. Валик поделился с Шурой своим расписанием, и тот спокойно принял факт, что теперь это расписание их общее.

– А это... поесть чего-нибудь можно? Страшно есть хочу.

Валика хватило на три бутерброда с сыром: сходить за продуктами он не успел и готовить было не из чего. Мама могло подолгу не быть дома, и Валик сам готовил несложные блюда на каждый день. Но сегодня вместо магазина он поехал на вокзал и вопрос с питанием не предусмотрел. Будет катастрофа, если этот родственник маме пожалуется... Тем не менее Шура ел с таким удовольствием, будто бутерброды с сыром – его любимое блюдо. Может, конечно, так оно и было, а может, он просто не хотел обижать хозяина.

– Я могу еще сделать, – на всякий случай предложил Валик.

Шура помотал головой:

– Спасибо. Тебе, наверное, уроки надо делать, так что я тут посижу. Или помочь?

Сказать почти незнакомому, пусть и родственнику, что помощь ему не помешает, потому что уроки всегда тоска зеленая, Валику не позволил

его собственный рот. Он честно собирался сказать, что от помощи не откажется, но произнес вместо этого:

– Не надо, я сам.

Скоро мама потребовала фотки Шуриных документов, так что долго он на кухне не просидел. Валик косился на него, когда тот снимал бумаги на телефон, но сразу утыкался в алгебру, стоило Шуре покоситься в ответ.

– Мешаю? – уточнил тот.

Валик максимально ровно произнес:

– Все нормально. Я просто... думаю.

Шура осторожно заглянул Валику в тетрадь, и тот поспешно закрыл ладонью каракули на полях. Шура почесал затылок:

– Выглядит жутко. Давай все-таки помогу?

– Ты шарить в алгебре?

– Ни на грамм, – спокойно кивнул Шура. – Зато две гуглящих головы лучше, чем одна.

* * *

С домашкой они худо-бедно справились. Правильно или нет, проверять никто не станет. Мама написала, что придет поздно (как будто она когда-то приходит рано), поэтому велела соблюдать привычные указания: допоздна не сидеть, спать в одиннадцать, ужин разогреть. Валик поделился с Шурой своим расписанием, и тот спокойно принял факт, что теперь это расписание их общее.

Все шло вполне себе обычно: Валик и Шура поужинали, посмотрели на ноуте сносное кино, и выбившееся из привычной колеи событие перестало казаться Валику таким уж странным. Подумаешь, родственник из Казани, к людям пачками приезжают родственники!

Настала пора собираться спать: мама, конечно, не проверяла, когда Валик ложится на самом деле, но перед Шурой нарушать правила как-то неудобно. Валик настолько расщедрился, что даже пустил его в ванную первым. Лишь когда из-за приоткрытой двери послышалось тихое шуршание щетки по зубам, Валик вспомнил, что, вообще-то, паста у него закончилась и нужно показать, где лежит новая, – вдруг он сейчас зубы без пасты чистит?

Валик отворил незапертую дверь:

– Шура-а-а-а-а-а!

Шура стоял с зубной щеткой во рту и... прозрачно светился. По-настоящему светился, и не зеленоватым светом, как от фосфора или что там

в светящиеся палочки кладут, а прям светился, как блески на солнце, и сам при этом был почти прозрачным. Валик заорал.

– Т-ты светишься! Ты, блин, светишься! И ты прозрачный! Как так?!

Выплюнув щетку, Шура медленно перевел взгляд с Валика на зеркало и обратно:

– Нет.

– Не-а, реально светишься! – запротестовал Валик, прижавшись к стене и тяжело дыша. – Это нормально вообще? Может, врачу позвонить? Или... да кто ты такой?!

Шура вздохнул и открыл кран – отвечать с полным ртом пены крайне несподручно. Валик за это время сбегал на кухню и вернулся с половником в руках.

– Говори, что ты такое! – решительно потребовал он, наставив половник на Шуру как ружье.

Тот машинально поднял руки:

– Говорил же, я из Казани...

– Да ну?! Какая там главная улица?

Шура нервно сглотнул:

– К-казанский Арбат?

– Ни фига! Улица Баумана! – продолжал вопить Валик. – Говори, кто ты такой и зачем сюда приперся?

– Тихо, тихо, да опусти ты поварешку, – проговорил Шура, бочком переступая порог ванной комнаты. Руки он так и не опустил, и никто из них не обратил внимания на то, что Валик целится в него из половника. – Давай договоримся так, я – магическое существо.

Валик опешил и невольно опустил грозное оружие:

– Чего?

– Магическое существо, – терпеливо повторил Шура. – Вы же вроде все по ним тащите...

– Не все, – фыркнул Валик.

– Да ладно. Еще скажи, что ты Гарри Поттера не читал.

– Даже не все фильмы видел.

Шура ахнул:

– И кто из нас после этого чудик?

Валик вспомнил, что половник в его руках выполняет функцию устрашающего оружия, и снова «прицелился»:

– Допустим. И что тебе надо, сущ-ществ-тво?

Шура поджал губы и пожал плечами:

– Твоя версия?

– Зависит от того, кто ты, – рассудил Валик. – Если ты злой, то тебе надо жизнь мне испоганить.

– И какое я тебе зло плохое сделал? – обиделся Шура. – Наоборот, с алгеброй помог.

– Может, ты мою бдительность усыплял, – фыркнул Валик.

Шура сердито скрестил руки на груди:

– Нет, ну это уже ни в какие ворота! Все, я ухажу!

– Стой! – нахмурился Валик. – Ты доброе, знаешь?

– Только высокоморальное создание станет заниматься с тобой алгеброй добровольно, – буркнул Шура.

Валик медленно опустил половник:

– Ладно. Тогда... зачем ты здесь?

– Так я тебе и сказал. Сам давай, не маленький. Шевели извилинами!

Валик скучающе прислонился плечом к стене: кажется, он все понял.

– Дай угадаю, ты здесь, чтобы продвигать семейные ценности? Так я маму и без тебя люблю.

Шура наморщил нос:

– Не угадал. Еще варианты?

– Толкать речи про важность образования?

– Ага, щас, ищи дурака.

– Тогда ты рановато. Раскрывать смысл Нового года лучше ближе к декабрю.

– Да я не за этим.

Валик недоуменно почесал затылок ручкой половника – идеи у него иссякли.

– Ну... а зачем тогда? Какой «магический» урок я должен усвоить прежде, чем ты меня кинешь?

– А с чего ты взял, что я тебя кину?

– Потому что так всегда, – фыркнул Валик. – Все в детстве сказки читали, все в курсе. Сначала вы приходите именно тогда, когда все паршиво. Начинаете прыгать вокруг и делать жизнь сносной, изображаете из себя друга на всю жизнь, а как только несчастная жертва усвоит смысл Рождества, научится разговаривать с людьми или что там ей или ему надо сделать... короче, когда оно решит какой-то свой вопрос, вы тут же сваливаете, сделав вид, что ничего не было. Так что, светлячок, если ты за этим, лучше вали сейчас, пока я к тебе не привязался.

Он демонстративно отвернулся, давая понять, что разговор окончен. Но Шура уходит явно не собиравшись. Он живописно закатил глаза:

– Умоляю! Да если бы все так просто было, я бы не так сюда пришел.

– А как? – не удержался Валик. Вообще-то он больше не собиравшись с э-т-и-м разговаривать, но стало очень интересно, как бы он сюда пришел.

Шурино лицо опять вытянулось:

- Да ладно? И кто я?
- Путешественник во времени, – гордо объявил Валик. Но оценить реакцию не успел: они затормозили у подъезда многоквартирного дома, и Шура замаялся.
- Ты код не помнишь? – догадался Валик.

Шура зажмурился:

- *542#. Стой! – завопил он, хватая Валика за запястье.
- Я набрать хотел, – опешил тот.

Шура не отпускал его руку:

- Она же меня не узнает! Зачем?!

Валик поднял брови. И во взгляде, и в голосе было столько отчаяния... никакая гипотеза не стоит таких страданий.

Подросток вздохнул и поплелся к скамейке у подъезда. Шура сел рядом и повесил голову.

- Мы с ней очень давно не виделись, – горько повторил он. – Если она меня не вспомнит, я... не смогу.
- Хорошо, – покладисто согласился Валик, внимательно глядя в носки своих ботинок. – Если тебе так... я же не знал, я думал... тебе будет приятно.
- Что приятно?! – рассердился Шура, вскакивая с места.

Валик невольно съехал:

- Снова ее увидеть... даже через столько лет.

Шура, уже повернувшийся в сторону метро, удивленно посмотрел на Валика. Потом закрыл глаза, долго молчал и воинственно сжал лямку рюкзака:

- Идем. Надеюсь, она не переехала.

Он сам набрал код, вызвал лифт и, не дождав-шись, рванул по ступенькам. Еле поспевая за ним, Валик испытывал гордость за своего путешественника. Именно так себя и должны вести смелые рейдеры времени и пространства!

Они почти бегом добрались до пятого этажа, Шура зверски впечатался пальцем в звонок и, не дождав-шись мгновенной реакции, забарабанил в нужную дверь, но, как только шелкнул замок, предпринял попытку смыться.

- А ну, стоять! – Валик схватил его за капюшон. – Не в мою смену!
- Мальчики, вам кого?

На пороге стояла женщина лет тридцати с длинной каштановой косой, чуть вздернутым носом и четко очерченным полукругом бровей. Валику она вся, от косы до пол халата, показалась некрасивой. Скучной какой-то или просто старой.

Шура был явно иного мнения, старательно глядя в лицо:

- В-вера?
- Вера, – подтвердила женщина и наклонила голову. – Мы знакомы? Откуда ты знаешь мою квартиру?
- Я... – Шура врос в каменный пол и вытянулся по струнке.

Валик понял, что тот от страха перестал сообщать и утратил базовые навыки вранья.

- Моя мама училась с вашей мамой, – спокойно выдал он.

Веру ответ удовлетворил:

- Понятно... А ты на одноклассника моего похож, – сказала она, переведя взгляд на Шуру. – Что-то случилось?
- Нет, мы просто... – В поисках гуманитарной помощи Валик кинул на Шуру умоляющий взгляд, но тот смотрел на Веру не отрываясь и по-прежнему туго соображал.
- У нас проект в школе. Собираем фотографии выпуска родителей. Можно вас сфотографировать?

Валик на всякий случай приготовил телефон, Вера озадаченно поджала губы:

- Я так не могу... мне нужно причесаться, в порядок себя привести... Может, я вам на почту скину? Когда надо?
- Ты замужем? – вдруг спросил Шура.

Вера нахмурилась и поправила кольцо:

- Молодой человек, к незнакомым женщинам принято обращаться на «вы». Я не ваша подруга.
- Извините, – прошептал Шура. Он опустил глаза и покраснел.
- Про замужем – это тоже часть проекта? – надменно подняла брови Вера.

Валик энергично кивнул:

- В двух словах про то, как сложилась ваша судьба. Ну, после выпуска...
- Ничего особенного. – Вера манерно поправила халат. – Вышла замуж, после вуза пошла работать маркетологом...
- А что за одноклассник? – хитро уточнил Валик.

Шура молча мял пальцами лямки рюкзака.

- Дружили в школе, – отозвалась Вера. – Даже вроде бы встречались... Грустная вышла история.
- Какая история? – заинтересовался Валик.

Вера резко одернула свой халат:

- У мамы спроси. Все? Почту давайте.
- Лучше в «Вк», – предложил Валик, протягивая Вере телефон.

приближения неприятной для него ситуации. Согласно уговору, ему придется показывать Особенный блокнот, кто знает, чем это обернется... Чтобы отвлечься, Валик стал обдумывать новую гипотезу.

Вряд ли Шура – путешественник во времени. То есть то, что он от этого отрешивается, еще ничего не значит. Но почему он светился? Может, его чем-то облучили?

Допустим, он не путешественник. Он же сам сказал, что магическое существо. Мог и соврать, конечно, но слишком уж много несовпадений. Тогда кто? Какое еще может быть логическое объяснение? Валик попытался скучковать в голове факты: итак, Шура светится, значит, он точно не обычный человек. Живет намного дольше, чем положено нормальным людям, возможно, вообще бессмертен. Но если он бессмертен, то где был раньше? И что это за грустная история?! Как-то не вырисовывается цельная картинка. То ли фактов мало, то ли кое-кто умеет складно врать. Что может светиться в темноте?

Неожиданно Валика осенило. Он мысленно зачеркнул запись «путешественник во времени» и поставил на ее место новую: «робот».

Все зависит от того, как и кем он был сделан. Возможно, кто-то собрал или запрограммировал ему очень крутые «мозги», благодаря которым он может технично выдавать всякую чушь про магических существ. Светился он из-за того, что разрядился, внешность для него взяли у одноклассника этой Веры, а его слезы были инсценировкой, чтобы расположить к себе Валика и заставить его поверить в то, что Шура – человек. И гуглил он действительно как-то странно! Дальше... Валик чуть не поперхнулся: робот в доме! Что, если они с мамой в опасности? Что, если этому как-бы-Шуре нужен его код ДНК или еще что-нибудь такое же интимное? Как справиться с машиной, которая превосходит тебя по всем показателям?

- Ты чего? – обеспокоенно спросил Шура, пытаясь заглянуть ему в лицо. – Все нормально?
- Угу. – Валик умело скрывался от его взгляда. – Отлично.
- Тогда почему ты на меня не смотришь? – продолжал волноваться вроде-бы-робот.

Валик опустил глаза в тарелку с недоеденным бутербродом:

- Задумался кое о чем. Я потом тебе скажу... наверное.
- Ладно, – вздохнул Шура, как-то слишком грустно для робота.

Валику все еще кусок в горло не лез: что, если он ошибся? Вдруг Шура правда его родственник, жутко странный светящийся родственник из Казани? С момента своего появления он провел с Валиком больше времени, чем его собственная мать за последние три года! Робот или нет, Валик поймал себя на мысли, что не хочет его обманывать.

- Шур, а ты не обидишься, если я не буду тебе рассказывать свои предположения? Про то, кто ты, – неожиданно честно спросил Валик. Он совершенно не знал, что делать, а мама говорила, что в этом случае нужно говорить правду. Шура, очевидно, перестал беспокоиться и глобокомысленно изрек:

- А зачем?
- Для чистоты эксперимента, – пожал плечами Валик.

Шура поднял брови:

- Ты что, опыты на мне проводить собрался?
- А ты боишься? – хитро улыбнулся Валик. Если Шура и робот, то ну очень биологический. По крайней мере, мимика у него совершенно человеческая.
- Я вообще ничего не боюсь, – фыркнул Шура и тут же спохватился: – Но проверять этот факт не надо. Прими как аксиому. Ты знаешь, что такое аксиома?
- Не держи меня за дурака, – нахмурился Валик.
- Ну смотри. – Шура беспардонным движением поставил локти на столешницу. – Допустим, ты решил, что я – пришелец.
- Ты что, пришелец?! – Валик чуть из-за стола не выскочил.

Шура выдохнул и закинул руку за спинку стула, повисая на локте:

- Не-е-е-е-ет... Я гипотетически. Ты знаешь, что такое «гипотетически»?
- Я тебя сейчас стукну.

Валик прекрасно понимал, что его сопение сейчас скорее обиженное, чем угрожающее. Конечно же, он не собирался никого бить, тем более Шуру. Он вообще не планировал говорить что-то подобное, слова будто сами вылетели из его рта. Будто именно это и нужно было сказать. Валик было напрягся, думая, что Шура начнет бахвалиться и смеяться над его репликой (очевидно, он старше, больше и сильнее). Но Шура не начал. Наоборот, он все понял и примирительно произнес:

- Ладно-ладно, не обижайся. В общем, решил ты, что я пришелец. И говоришь: «Ты пришелец».

– Методом проб и ошибок, – пожал плечами Валик.

Хоть ничего из того, что он ожидал, не случилось, ему все еще было не по себе. Чтобы прийти в норму, нужно было поделаться что-то нудное, что поможет привести мысли в порядок и отвлечься.

– Брысь давай. – Он схватил Шуру за щиколотки и потащил с кровати. – Мне уроки делать надо.

– Ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы...

Выпихнув Шуру за дверь, подросток первым делом открыл блокнот, вычеркнул «путешественника во времени». Потом записал «робота» и «пришельца». Робота хотел сразу вычеркнуть, поскольку уже доказано (почти научно), что это неправда. Но потом передумал и оставил на всякий случай. Все-таки мало ли. Хотя версия с пришельцем теперь казалась более убедительной: Шура слишком эмоциональный, да и мыслит как человек. Зарядник у Шуры был только для телефона (брошенный поперек Валикиного стола), и в случае с пришельцем становится понятно, что это за «грустная история». Шура прилетал на Землю, там познакомился с Верой, но был вынужден улететь. А теперь вернулся, а Вера... ну, в общем, Вера. Неясно только, почему он внешне с тех пор не изменился... или изменился? Или у него всегда одна человеческая форма? Все это нужно было хорошенько обдумать.

Оставшись в одиночестве на кухне, Шура огляделся. Телевизора на кухне не было, а он прекрасно помнил незапамятные времена, когда на кухне мог стоять этот большой телевизионный куб или параллелепипед с болотно-зеленоватым экраном. К такому кирпичу обязательно прилагалась антенна, длинные рожки на полукруге. Если эту самую антенну не подключить, телевизор показывал только черно-белые сумасшедшие движущиеся полосы. В комнате мамы Валика был телевизор, тонкий, плазменный, без всяких антенн.

Холодильник на кухне огромный, черный, с длинной серебристой ручкой. Внутри у него была синяя подсветка и, если бы не счета за электричество, Шура мог бы целый день пялиться, как она горит. Холодильник, который он помнил, был белым, из украшений на нем были только магнитики, он не поблескивал, и вместо ручки была просто выемка. Плита была электрической, а не газовой, и не нужно было тратить спички. Правда, запах после зажженной спички Шура обожал. Даже сейчас утащил из своего рюкзака одну и зажег только для того, чтобы понюхать...

Шура сидел в тишине, слушал свои мысли и радовался, что находится здесь. Хорошая кухня. Красивая. Даже если бы была некрасивая, все равно хорошая. Настоящая. Живая.

– Почему спичками воняет? – спросил Валик.

Шуре после полной тишины его голос показался жутко громким.

– Мне запах нравится. Я только одну, – виновато улыбнулся он.

Валик сердито покачал головой:

– Ладно, фиг с тобой. У меня к тебе серьезное дело. Дай руку.

Сперва Шура протянул ладонь, но Валик взялся обеими руками за его локоть, старательно ощупывая кости. То есть он предполагал, что это кости, возможно, это был железный стержень. Рука теплая, либо современная нагревательная система какого-то продвинутого биогенного робота, либо... Вид у Валика, должно быть, был угрожающий, потому что Шура недоуменно спросил:

– Ты чего?

– Ничего, гипотеза.

Закончив ощупывать руки, Валик перекинулся на живот и ребра. Живот довольно мягкий, каркас не прощупывается, ребра как настоящие, видимо... Ход Валиковых мыслей грубо прервали: Шура сначала хрюкнул, а потом захихикал. Валик закатил глаза: он тут как бы серьезным делом занят, а этому приспичило валять дурака!

– Че ты ржешь? – осведомился подросток.

– Мне, вообще-то, шекотно! – выдавил сквозь смех Шура, отпихивая его руки. – Я не кукла и не робот, если ты не знал.

Валик поднял брови и озадаченно кивнул:

– Не робот...

У Шуры вытянулось лицо, а затем он снова прыснул, прикрыв рот. Валик пихнул его локтем:

– Мне надо было убедиться! – И добавил слегка сконфуженно: – Сразу бы сказал, что боишься шекотки.

– Во-первых, мне даже в голову не пришло, что кое-кто, насмотревшись фантастики, вздумает меня шекотать, – заметил Шура, иронически изогнув брови. – А во-вторых, что я, дурак? Ты бы все равно проверять полез, оно мне надо?

На самом деле Шура нисколько не обиделся, но Валик его поведение истолковал по-своему:

– Извини... Я бы не стал, если бы ты сказал... Ты злишься?

– Не-ет. – Шура откинул голову и запустил пядерню в волосы. – Даже не обижаюсь. Не быть роботом здорово.

– Не-не-не, никаких книжек. Книги – это знания, а знания – это мысли. Ты сказал, что от мыслей все беды, так что брось. Интернет тебе в помощь.

Валик вздохнул и отправился обратно лежать. Один сериальчик он все-таки нашел, но ему очень быстро надоело: все эпизоды проходили по одному и тому же сценарию. Валик сдался и отложил ноутбук: все равно ничего не получается. Вместо этого он стал думать, как отличить инопланетянина от человека. У него наверняка должны быть сверхспособности (свечение пойдет), куча знаний про космос и родной язык (вряд ли на Венере говорят на шведском). Воодушевившись, Валик пошел доставать своего наверное-инопланетянина. Тот сидел на кухне и читал что-то в телефоне.

– Уже? – Шура поднял глаза.

Валик махнул рукой:

– Надоело. Пошли гулять. Заодно расскажешь, сколько...

– Ап-ап-ап-ап, – перебил Шура, выставив вперед указательный палец. – Меня здесь нет.

– Как это нет? В каком смысле?

– В таком. Я сегодня доставщик пиццы. – Шура отложил телефон. – Понятно, что при твоём образе жизни, а именно нифиганделании, жить ты будешь совершенно один. Помимо еды, у большинства людей есть еще какие-никакие интересы, а ты даже сериалы не смотришь. О чем с тобой вообще разговаривать?

Валик насупился: Шурино лицо победоносно светилось от радости, и подростку это не нравилось. Стало противно от того, как этот гад-кембы-он-ни-был доволен, хотя это вообще-то, его, Валика, гипотеза! А значит, радоваться опровержению – его право.

– Тогда пойду один, – буркнул Валик уже из прихожей.

Он сам не знал, почему ему вдруг стало обидно. Шура ему, по сути, неизвестно кто, даже не факт, что он с этой планеты. К тому же раньше Валик часто гулял один... Но вчера было весело, и нынешняя одинокая прогулка ни в какое сравнение с ней не шла. И, между прочим, Шура – его волшебное существо! А значит, должен везде ходить за Валиком хвостом, а не критиковать его идеи.

Валик шмыгнул носом и вытер его перчаткой: в этом году рано похолодало. То, что его гипотеза провалилась с треском, он понимал сам, без всяких Шуриных умозаключений. Интернет безграничен, но дать может только то, о чем его просят.

Для этого надо знать, о чем просить... Мести улицы на холоде, изо дня в день наблюдая одни и те же пейзажи, наслаждаться одиночеством и знать, что ты потратил свою жизнь на еду, питье-забыть и сериалы... Вполне себе тянет на сюжет ужастика. Не иметь никаких развлечений, кроме «Ютуба», ничего не увидеть, ничего не узнать, прожить жизнь без всяких впечатлений. Смотреть на чужую жизнь и ничего не пережить в своей... Это уже не «чувственные удовольствия» – ни чувств, ни удовольствий в такой жизни нет.

Неожиданно кто-то сильно хлопнул его по плечу. Валик резко развернулся, успел подумать, что зря не ходил на какой-нибудь там бокс, как теперь отбиваться и что у него нет денег, но...

– Ты что, глухой?! – заорал Шура, тяжело дыша и повисая у Валика на плечах. – Я тебя зову, зову: «Валик, Валик», а ты ноль внимания!

Валик мрачно вытащил эирподсы:

– Чего тебе?

– Того, – незамедлительно ответил Шура, пытаясь отдышаться. – Куда, интересно знать, ты так самозабвенно пилишь?

– Тебе-то что? – прищурился Валик. – Ты ж доставщик пиццы!

– А ты дворник. – Валику померещилось, что Шура показал ему язык (а может, и не померещилось). – Неважно, кто я. Я все еще твой родственник из Казани и всегда им буду. Спрашивай давай, чего ты хотел. Вперся на кухню, читать мне помешал...

– Моя кухня, – возразил Валик, – хочу и впираюсь. Я хотел спросить, ты знаешь, какая на Венере погода?

– Конечно, – съязвил Шура, – каждый день прогноз смотрю. Откуда мне знать, какая?!

– А в чем космическое расстояние измеряется? – На этот вопрос Валик прекрасно знал правильный ответ, про Венеру же он только кислотные дожди помнил.

Шура почесал затылок:

– Про свет что-то... Звездные войны посмотри! Четы хочешь?

– Не перебивай, – деловито отмахнулся Валик. – Дальше... В какой галактике находится Солнечная система?

Этого он сам не помнил. Шура, как оказалось, тоже:

– Не знаю, в «Гугле» почитай. Что я тебе, космическая энциклопедия?

– Ну почему энциклопедия, просто... вдруг тебе виднее.

и этого ему с головой хватало. Шура – вот кому Валик с удовольствием развязал бы язык. Сейчас он сидел по правую руку Валика с нечитаемым выражением лица. Насчет того, кто он такой, у Валика сегодня было два примерно равнозначных предположения.

Логичные версии кончились, и он перешел к мистике. Колдуны и монстры из зазеркалья отметались. У колдуна больше возможностей, он бы себе не то что липовые документы, дом бы отгрохал с бассейном. А монстры из зазеркалья всегда похожи как две капли воды на свои отражения. Шура же выглядел и, судя по всему, был старше Валика. Отсюда выводились две логичные версии: демон и вампир.

В демонах Валик не разбирался, но, вполне возможно, что он его как-то вызвал и теперь Шура ходит за ним, как приклеенный. Не потому, что ему сильно нужен Валик, а просто у него контракт. Вампир же идеально укладывался во все произошедшие события: Вера, которой под тридцать, училась с ним в одном классе, мысли о смерти наводят на него тоску, он далеко не миллионер, поскольку раньше был в спячке в Казани, а теперь приехал и... что? Чего ему надо? Этого Валик еще не придумал. Есть вероятность, что его хотят съесть.

Как проверять Шуру на демонизм, пока непонятно, но вот с вампирами – легче легкого. Очевидно, свет ему не опасен, а от большого его количества, накопленного за какой-то период, Шура начинает светиться (где-то такое было, только Валик не помнил где). Проверок на вампиризм все равно остается куча: аллергия на чеснок, большие клыки, любовь к блюдам с кровью, тень и, может быть, зеркала. В ванной вроде видно Шурино отражение, но, может, он каким-то образом приспособливается?

Валик мечтательно посмотрел вверх: демон по имени Шура. Демон Шурик. Обалдеть!

– Чего смеешься? – миролюбиво поинтересовался Шура.

Валик понял, что прыснул в голос, немного помялся и ответил, чего.

Шура прикрыл нижнюю часть лица и уперся затылком в спинку кресла, подрагивая в беззвучном хихиканье. Валик pokrивился:

– Фальшивый смех у тебя жутко неубедительный.

В парках аттракционов Валик раньше не был. С мамой они не ходили, у нее на такое времени не было. Валик смутно помнил, когда оно у нее вообще было и было ли. Они как-то мало проводи-

ли время вместе даже в детстве, когда ему этого хотелось, безусловно, сильнее, чем сейчас. А уж теперь, когда он совсем вырос...

– Балдеж, – шурясь на хмурое небо, заключил Шура.

Парк с красноречивым названием «Сказка» имел кучу локаций: классика всякая, колесо обозрения, карусель идиотская (Валика с детства от таких тошнит) и куча всего другого. Валик сразу представил, как у него кружится голова, как его мутит, а потом...

– Давай не пойдем. – Он сильно дернул Шуру за рукав. Сильнее, чем следовало спокойному уравновешенному человеку.

Шура гадостно оскалился:

– Страшно?

– Отвали. – Валик резко выпустил его рукав и пошел к выходу. Так быстро, что Шура не сразу его догнал:

– Да погоди ты, стой!

– Что? – Подросток резко развернулся, светлая челка сердито взметнулась, описав в воздухе полукруг.

Шура виновато опустил глаза:

– Прости. Я не думал, что ты обидишься.

– Обычно люди так реагируют, когда нам ними смеются, – язвительно процедил сквозь зубы Валик.

Шура потер шею:

– Да не смеялся я, так, просто дразнил...

– Я этого не понимаю, – раздраженно отрезал Валик. – В любом случае, я иду домой.

– А твоя теория? – огорчился Шура.

– Плевать. Потом проверю. Один. Без тебя.

Шура вздернул брови:

– То есть ты реально боишься?

– Заткнись! – гаркнул Валик, потеряв терпение. Какое сейчас имеет значение, страшно ему или нет? Даже если бы ему было страшно, этого вампира-или-демона-или-кто-он-там это не касается!

– Да что с тобой?! – всплеснул руками Шура. – Тебя что, никогда не дразнили, я первый?

– Представь себе, да! – Валик сжал кулаки и гневно уставился на чудище в человеческом обличье. Делает вид, что не понимает, а что тут не понимать?

Кто вообще, по его мнению, мог бы дразнить Валика? Мама, которая вживую с ним толком не разговаривает? Друзья, которых не существует? Одноклассники, которым на него плевать?

Шура снова расстроился:

шарик. На третий раз его наконец-то стошнило, и Шура, к его радости, по этому поводу деликатно промолчал. Непонятно, почему это все называется парком развлечений, если радуешься только тогда, когда возвращаешься с аттракциона на землю.

Дошло до четвертой достопримечательности, и здесь Валик ехидно уточнил, что у Шуры с лицом.

– Не, – замотал головой тот, – ну его на фиг, не полезу.

– Испугался? – кривлялся Валик. Он сам не успел осознать почему. Раньше с ним такого не случалось – чтобы так откровенно корчить рожи и кого-то... да, дразнить. Шура может собой гордиться – он умеет быстро учить плохому.

– Я? Испугался? – уточнил Шура. – Ни в жисть!

Он сделал три шага к кассе и вернулся назад:

– Да, испугался. Смейся сколько влезет, не пойду.

Валик перестал гримасничать: Шура побледнел и с опаской поглядывал в сторону аттракциона. Отчасти Валик своего домашнего вампира понимал, выглядело и правда страшновато: подвешенные на тросах креслица на нехилой такой высоте... А если трос порвется? Не, ну его на фиг. С другой стороны, вряд ли покорение Эвереста безопаснее такой вот штуки. Хоть один раз, но надо попробовать.

– Пойдем. – Он потянул Шуру за руку за собой. – Пойдем, все будет хорошо. Ты же обещал мне помочь? Вот, помогаешь...

– Да говорят тебе, я боюсь! – Шура вырвал руку и отодвинулся на безопасное расстояние.

Валик заметался взглядом по случайным предметам: ему очень хотелось, чтобы Шура стал таким же бесстрашным, как когда ругался с тем мужиком. В этом не было никакой необходимости, Валика обычно не нужно защищать, но ему этого и не хотелось. То есть хотелось только, чтобы Шура перестал бояться. Но хотел этого Валик не для себя.

– А вдруг трос порвется? Он из чего вообще? – повторил Валикины мысли Шура, не глядя в сторону... как там эта вертушка зовется.

Валик вздохнул и похлопал его по руке:

– Хорошо, не пойдем. Я тогда на чем-нибудь другом проверю. Ладно?

Шура еще раз взглянул в сторону опасности. Нехорошо поморщился:

– Идем.

Валик улыбнулся и последовал за своим демоном-или-кто-он-там. Необходимость сказать

что-то ободряющее усиливалась по мере продвижения в очереди, и подросток сказал:

– У тебя хотя бы интересный страх. У меня скучные.

– Какие? Быдло-мужики и маленькие девочки? – подколот его Шура, слабо улыбаясь.

Валик пихнул его в плечо:

– Нет. Контрольные, к примеру, – кажется, если завалю, то похороню свою счастливую жизнь. Или просто тесты, там то же самое. А еще боюсь прожить жизнь бессмысленно. Вот так просто уйти и ничего не понять.

– Иногда понимаешь в процессе, когда начинаешь действительно жить, – ответил Шура.

У самой кассы они остановились и переглянулись.

– Готов? – уточнил Валик.

Шура кивнул. Как только их пристегнули к креслам и начали поднимать, он заорал, и его крик потонул в свистящем ветре:

– Дурацкая была идея!

Про себя Валик решил, что бояться нормально. Особенно если боишься не один.

– Так что там с твоей теорией? Как тебе острые ощущения? – осведомился Шура, когда крутящийся кошмар был позади.

Они сидели на лавочке, трескали мороженое (назло собачьему холоду) и чувствовали себя прекрасно. Валик пожал плечами, надкусывая шоколадную глазурь:

– Не очень. Просветления особо не чувствую.

Он скосил глаза на Шуру. Тот уплетал эскимоса с такой физиономией, будто находился на вершине блаженства. Валик и раньше замечал у своего домашнего демона это умение – наслаждаться самыми простыми вещами. В глубине души он хотел бы уметь так же.

– Ну хоть понравилось? – уточнил Шура. – Или мы деньги спустили зря?

Валик и сам не знал, чего прицепился к этим острым ощущениям, риску и всему такому. С чего он вообще взял, что от риска или игры со смертью жизнь обретет большую ценность? Возможно, есть любители проверять на прочность себя и окружающих, но Валик точно не из таких. С той штуки они с Шурой вполне реально могли навернуться, чем не опасность? И бешеного кайфа Валик по этому поводу не испытывал. Разве что от осознания того, что они выжили.

– Отрицательный результат – это тоже результат, – уклончиво ответил Валик и достал из рюкзака припасенные чесночные хлебцы. – Будешь?

– Хорош вертеться, – пробурчал Шура. – Спи уже. Или хотя бы мне не мешай.

Валик подтянул колени к подбородку. Что умеют вампиры? Пить кровь – нет. Если бы Шура хотел его сожрать, уже бы сожрал. Значит, это не подходит. Еще у вампиров есть сверхскорость, вроде бы сверхсила... Точно! Утвердив в голове новую гипотезу, Валик расслабился и заснул.

Утром выяснилось, что мама через неделю займется документами Шуры, чтобы он пошел в Валикину школу со следующей четверти. Валик гордился умением своей мамы оперативно решать вопросы, но немного побаивался, что однажды она найдет ему работу и жену без его участия.

– Придется вскакивать по утрам, – кисло сообщил Шура, смиряясь с новостью.

Валик пожал плечами:

– Ты и так вскакиваешь, чтобы меня в школу приводить. Зачем, кстати?

Шура зевнул и взъерошил себе волосы:

– Хочу.

Валик махнул рукой: у него в голове появилась новая теория, и, как и в прошлые разы, он не понимал, почему раньше не догадался. Все же так очевидно: с самого своего прихода Шура будто следует цели сделать жизнь Валика лучше. Можно сказать, спасает от всех возможных бед. А кто занимается спасением? Супергерои и тайные агенты! Валик не очень разбирался в «Марвел», но там «супергерои среди нас» выглядели очень убедительно.

Дело могло быть примерно так: Шуру в раннем возрасте завербовало секретное агентство, забрало из семьи (и от Веры), потом ему вживили какой-то ген, позволяющий оставаться шестнадцатилетним, чтобы он лучше сливался с толпой и оставался физически развитым. Это же агентство (или другие какие-то секретные спецслужбы) сотворило ему поддельные документы и приставило Шуру охранять Валика (возможно, на него охотится тайная организация порабитителей мира). Но препарат, который Шуру вживили, дал сбой, и он засветился. Легенда скомпрометирована, маскировка нарушена, все полетело к чертям. Вот тебе и магическое существо!

От рациональности такого объяснения Валик улыбался, собирая рюкзак. Как правило, это занятие, наоборот, наводило тоску, но сегодня это не имело значения. Он наконец-то понял.

Конечно, в этом случае он сам должен заняться охраной Шуриноного прикрытия. Не за-

давать дурацких вопросов, сделать вид, что ему надоело раскрывать его личность (вдруг, если Валик обо всем догадается, ему пришлют другого агента?), и попытаться выяснить, кто и зачем охотится за ним, Валиком, учеником седьмого «А» класса. Его самое заметное достижение – пятерка за мониторинг по математике в прошлом году. На кой черт он сдался каким-то спецслужбам?

Валик посмотрел на Шуру. Тот шел с ним рядом с безмятежным выражением довольного тюленя на лице. Валик немного успокоился: он под защитой. С ним рядом опытный секретный агент! То есть, может, и не опытный, но раз Валика никто еще не похитил, Шура явно не новичок в этом деле.

– О чем задумался? – уточнил абсолютно-точно-тайный-агент-супергерой.

Валик повел плечом:

– О разном. Долго рассказывать.

– Очередная гипотеза? – догадался Шура. Еще бы, он же агент-супергерой.

Валик кивнул:

– Можешь не беспокоиться. Все под контролем.

Шура поднял бровь, изображая недоумение (ему наверняка нравится этот спектакль, но все всё прекрасно понимают), и легко сменил тему:

– Ладно. Что там со смыслом жизни? Какую теорию сегодня проверяем?

Валик вздохнул: только одно не укладывалось в его стройную версию о спецагенте. Если Шура – тайный агент-супергерой (ну или как минимум одно из двух), зачем он возится со смыслом жизни Валика? Если агент, то в банальную отзывчивость верится с трудом, а если супергерой, то вообще непонятно. Интересно, как ему удастся незаметно пользоваться сверхсилами? Или он гений какой-то? Хотя... вряд ли. Гений, а Валикову домашку по алгебре решил со скрипом.

В этом предстояло еще разобраться.

– Чего молчишь? – напомнил о себе Шура.

Валик занервничал: что делать? Ответить правду и поставить операцию под угрозу? Или соврать? Но Шура должен уметь распознавать вранье. Или нет? Зачем ему мысли Валика, зачем?!

Подросток покосился на Шуру. Вид у возможного секретного агента был скорее потерянный, чем сердитый. Человек, которому долго не дают нужную информацию, либо злится, либо пугается. А тут... нет, все-таки это все неправильно. Неважно, агент Шура, валенок или синхрофазотрон, Валик должен быть с ним честен. Если бы он хо-

тел причинить Валику вред, то уже сделал бы это. Может, Шура не все ему говорит, но пока что он Валика ни разу не обманул.

– Мыслей много, – признал Валик. – А насчет теории немного сложно. Я подумал, надо отойти от себя и своих стремлений и подумать про мир вокруг. Понимаешь?

– Конечно, – серьезно кивнул Шура. – Продолжай.
– Так вот, если смотреть не внутрь себя, а наружу, то, может быть, смысл жизни в помощи другим? Надо помогать всем, чтобы изменить что-то на этой земле. Улучшить чью-то жизнь.

Шура немного помолчал, а потом прищурился:

– Так уж и всем?

– Ну да, иначе это неправильно: разделять людей на тех, кто помощи достоин, а кто нет. Это нечестно, – убежденно помотал головой Валик. – Ну, то есть, пока тебя не просят прыгать с моста или голову себе разбить, то надо помогать. Ты же понимаешь?

– Понимаю. Все, беги, ты уже опаздываешь.

Попрошавшись, Валик влетел в здание школы, окончательно уверяясь: Шура – супергерой. Только герои разбираются в помощи другим.

Следующие три дня Валик принципиально никому не отказывал в помощи. Неважно, просили его одолжить ручку или дать списать, он специально носил с собой половину канцелярского магазина (мало ли что кому понадобится) и тщательно делал все уроки, стараясь писать разборчиво, на случай, если кто-то попросит скатать. Шура без конца шутил над тем, какими прилежными учениками становятся искатели смысла жизни, а Валик в ответ показывал ему в спину язык. И наверняка Шура с его способностями об этом знает.

– Слушай, – спросил он в среду вечером, – а тебе за эти три дня хоть кто-нибудь спасибо сказал?

Они сидели на кровати Валика, тот что-то переписывал с телефона в тетрадь, а Шура шерстил просторы «Ютуба». И ему поднадоело смотреть, как очередная кошка падает с очередного стола.

Валик нахмурился и покачал головой:

– Я делаю все это не для благодарности.

– А для чего?

– Потому что это правильно, – твердо произнес Валик, хмурая лоб.

Шура заглянул ему через плечо: Валик старательно и очень аккуратно переписывал с телефона квадратные неравенства.

У Шуры глаза полезли на лоб:

– Это что такое? У вас что, в классе вундеркинды ленивые?

– Нет, это для девочки из девятого, – отозвался Валик. – Я сам хотел сделать, но ничего не понял. Хорошо хоть, ГДЗ нашел.

Шура заметно изменился в лице:

– И что, ты просто так делаешь для девятиклассников домашку?

– Они просили. И знаешь, у них ОГЭ скоро. У меня свободного времени побольше, чем у них будет, – упирался Валик, щуя глаза. Цифры на картинке были очень мелкие.

Шура закусил губу:

– Думаешь, это честно? Учиться-то им дальше самим... Или ты на несколько лет свою акцию планируешь?

– Не нуди, – пробубнил Валик. – В школе уже давно всем пофиг, знаешь ты что-то или нет. Домашку и делают, и задают чисто для галочки. Или ты все-таки будешь мне про важность образования втирать?

Шура немедленно помотал головой:

– Ну, дело же не в этом. Учиться можно и для себя...

– Вот они и учатся. А куча бесполезной ерунды, типа никому не нужных задний по алгебре, им в этом мешает.

Шура хотел возразить, но передумал: в конце концов, его волнует не алгебра:

– Но поблагодарить-то хоть можно? Это же элементарная вежливость.

– Они сначала благодарили, – помедлив, нехотя ответил Валик.

– А потом?

– Потом перестали. Это же формальности. Кому они нужны?

– Ясно, – пялясь в одну точку, машинально изрек Шура. – Ты свои-то дела сделал? Половина десятого.

– Нет еще. Но сделаю: я Игорю русский должен, а Даше – английский. Кстати! – Валик вдруг отложил тетрадь и всем корпусом повернулся к Шуру. – Забыл тебе сказать, я все знаю. Прото, что ты герой-агент, только ничего не говори, ладно? А то ты спорить начнешь, а у меня времени нет. Так вот, я придумал тебе новую легенду. Оставим то, что ты мне как бы кузен, мы похожи, у нас хорошо получается. А подробности я тебе потом расскажу. Нам задали много...

Шура тяжело вздохнул:

– Спасибо...

Математика у девятого класса стояла третьим уроком, и необходимо было успеть принести тетради на четвертый этаж, вкратце объяснить, что откуда переписал, и спуститься на второй за десять минут. Валик практически бежал, радуясь, что в прошлом не заимел привычки прогуливать физкультуру, и только на лестничной клетке нужного этажа остановился отдышаться. Оставалось пройти пару метров: у окна стояла кучка девятиклассников.

- Блин, капец физичка ошалела, – жаловался высокий парень с обилием прыщей. – Пять задач до завтра... а че не десять? Я эту тупую физику даже не сдаю.
- Расслабься, – сказала девочка с конским хвостом и непроизносимой фамилией (это ей Валик вчера решал алгебру). – У нас тут есть один лошок... прикольный такой, из восьмого...
- Из седьмого, – поправил ее другой девятиклассник, которому Валик делал русский позавчера.

Девочка закивала:

- Ты тоже знаешь, да? Короче, он за всех домашки решает.
- Че, вундеркинд?
- Да нет, конечно! Наверняка с решебников все скатывает.
- За бабки? – уточнил прыщавый.
- В том-то и дело, что за так!
- Реально лошара, – гоготнул прыщавый.
- Валик опустил руку с тетрадью.
- Да ему заняться нечем, – сказал второй парень, – никогда таких идиотов не видел. Просто так брать на себя головную боль...
- Может, он того? Гений-психопат? – предположила другая девятиклассница.

Третий парень фыркнул:

- Какой там! Он мне знаете чего по химии наreshал? Я еле четверку выпросил!
- Треш, – резюмировал еще кто-то, кого Валик со своего места не видел. Идея помощи другим с треском провалилась.

Мама всегда говорила, что в любой ситуации нужно вести себя достойно. Поэтому Валик мужественно отдал девятикласснице ее домашку, но решать прыщавому физику стойко отказался. Потом скинул одноклассникам то, что уже обещал, но ничего нового у него просить не стали. Валик честно сказал, что лимит исчерпан.

- А что это было? – спросила Света Соломина. – Типа социальный эксперимент?
- Да, – глухо ответил Валик, – типа того.

Как интересно получается. Когда ты занимаешься только собой, никому другому нет до тебя дела. Но если ты пытаешься всем помочь, то оказываешься «лошком». Списывать задания из ГДЗ не так уж и сложно, верно? Так зачем брать деньги за то, что тебе не сложно? И почему бы просто не сказать за это спасибо? Видимо, если ты хочешь кому-то помочь, ничего не требуя взамен, то ты лошара. А кому захочется быть лошарой? Никому. Значит, за помощь всегда нужно брать деньги. Или не всегда? Но больше быть лошком Валику не хочется. Зачем вообще жить в мире, где бескорыстность – показатель идиотизма?

Физика тянулась долго и скучно, как потерявшая вкус жвачка, и Валик достал под партой телефон. Количество диалогов ватсапа со стороны не выглядело удручающе. У него не было забито всего два номера, не было этой картинки, где на месте переписок мышь повесилась. Зато была целая куча бесед и коротких сообщений от людей, которым нет до Валика никакого дела. Да и ему нет дела до этих людей. Это были просто школьные беседы и пара переписок с одноклассниками. Только в сериалах между подростками в школе происходят всякие драмы. В реальной жизни всем на всех наплевать.

Сперва он хотел попросить Шуру не заходить за ним, чтобы не пришлось объяснять, что случилось. Но потом подумал, что Шура – не мама, от него не отмахнешься эсэмэской в ватсапе, что все в порядке, он дома и обедает. По нескольким причинам: во-первых, Шура дома. Во-вторых, даже если бы дома его не было, он обязательно начал бы задавать вопросы: что именно в порядке? Почему в порядке, а не «мура», как обычно? Валик уже заметил, что Шура чувствует, когда меняется тон его сообщений. И все равно придется рассказывать, что случилось, потому что Шура – секретный агент, его точно учили искусству допроса. А может, не агент, тогда ему просто не все равно. Наверное, ему одному на всем белом свете. Потому что на ответ «все в порядке» никто другой не спрашивает Валика, что случилось.

«Все паршиво, – напечатал он Шуре в ватсап, – все ужасно, отвратно, паршиво. Я тебе дома расскажу, но сначала пообещай, что не будешь меня жалеть».

«Даю слово», – прилетело в ответ. Валик прочитал и в другом диалоге написал маме, что все в порядке и скоро уже домой.

- Я к ним не отношусь, – слабо усмехнулся Шура. Валик кивнул:
- Я тоже, к счастью, не гей. Так что плед мне не купили.
- Тогда почему «к счастью»?
- Мне кажется, если бы я был геем, мама бы меня не любила. Она и так часто на меня сердится.
- Я куплю тебе два розовых пледа, – пообещал Шура.

Валик приподнялся на локте и недоверчиво на него сощурился:

- Кто ты такой? Откуда ты взялся? Что тебе нужно?

Шура вывернул руки ладонями наружу:

- Ничего.
- Неправда! – заорал Валик. – Неправда! Всем что-то нужно! Никто ничего не делает просто так!

Он рухнул на подушку и зарылся в одеяло, бормоча: «Сволочи, сволочи, сволочи». Шура осторожно к нему приблизился. Валик крепко зажмурился, ему казалось, что, если он откроет глаза, он снова увидит то, чего не хочет.

- Зачем жить в мире, где люди уроды?
- Не все, – мягко заметил Шура. – Есть хорошие. Их просто труднее заметить.
- Нет! Все уроды! Ненавижу! – опять закричал Валик. – Все умеют только пользоваться. А если ты никем не пользуешься, ты идиот или псих!

У Шуры появилось сильное желание набить морду девятиклассникам в первый же день своего появления в школе. Валик вчера не вдавался в портретные характеристики. Он вообще старался рассказывать сухо и отстраненно. Просто ему стало неприятно услышать, что он дурачок. Решение помогать всем без разбора, кто бы ни попросил, было опрометчивым, и, в общем-то, он закономерно получил то отношение, которое можно было предвидеть. Масштаб катастрофы Шура уяснил сразу, еще когда Валик, отказавшись от ужина, пошел спать раньше обычного. Хотя, кроме этого, ничего странного не было, обычный Валик, просто чуть более мрачный. Тем не менее разочароваться в самой альтруистичной гипотезе смысла жизни – это не шутки.

Валик снова отвернулся, плотнее заматываясь в свой кокон, свернулся в позу эмбриона и какое-то время молчал. А потом заговорил так, будто его речь прервали:

- У нас даже животных нет. Никогда не было. Маме они не нравятся. Плохо пахнут, портят вещи. Я знаю, предложи я кого-нибудь завести,

она начнет свою пластинку: «А кто за ним будет убирать, кто за ним будет ухаживать, мало мне работы по дому...» Я не хочу собаку, мне тоже неохота с ней гулять с утра. Кошачий лоток тоже не горю желанием чистить. Но хотя бы рыбку можно завести? Тихая, красивая, ухаживать несложно, радует глаз... У нас мертвая в этом смысле квартира. Зато чистая.

Шура молчал. Любые его слова сейчас были бы лишними.

- Зачем нужна жизнь? – спросил Валик. – Вот зачем? Может, я чего-то не понимаю. То есть я однозначно чего-то не понимаю.
- Что бы ты делал, если бы не жил? – Шура слегка наклонил голову.
- Не знаю. Ничего. Меня бы не было, и мне было бы хорошо.
- Разве это хорошо, когда тебя нет?
- Смотря кому. Мне – да, мне было бы хорошо. То есть мне было бы никак, а это гораздо лучше, чем плохо.

- Уверен? – с надеждой переспросил Шура.

- Да! – резко крикнул Валик.

Шура снова опустился на стул:

- А я?
- А что ты?
- Если бы тебя не было, мне было бы хорошо?
- Не знаю, – буркнул Валик. – Сам разбирайся, как хочешь. Я больше никому ничего не дам. Не хочу оказаться лохом.
- Почему? – спросил вдруг Шура. – Я тоже лох, нам вместе будет весело.
- Валик фыркнул:
- Ты никому ничего не делал просто так.
- По-твоему, я для себя чесночные хлебцы с мороженым сожрал? – удивился Шура. – Полпачки на одно эскимо!
- Это не считается, – парировал Валик, подавляя улыбку.

- И в парк этот треклятый поперся тоже для себя, – продолжал перечислять Шура. – И мужику тому по приколу нахамил. Так, что ли?

- Это ты сейчас так говоришь, – покачал головой Валик. – Потом найдешь себе девушку и будешь как мама – эсэмэсками со мной разговаривать.
- Не дожدهшься! – фыркнул Шура. В настрое Валика наметился явный прогресс, и, чувствуя это, его собеседник сдавать позиции не собирался. – Я бы на твоём месте смирился с моим присутствием в твоей жизни.

- Ты когда-нибудь думал о смерти? – опять переключился Валик.

- У Шуры в горле образовалась трубка воздуха:
- К чему ты об этом говоришь?
  - Я подумал... То есть не то чтобы я собирался...
  - Валик. – Шурин голос резко сел. – Послушай. Я знаю, что ты сейчас чувствуешь. Тебе кажется, что, если тебя не будет, тебе будет легче. Но подумай о том, что тебя на самом деле не будет больше никогда. Ты никогда не почувствуешь ни тепла, ни холода, никогда не почувствуешь ни вкуса, ни запаха, никогда не побежишь и никогда не сможешь завернуться в розовый плед. Иногда людям делают больно другие люди, но ключевое слово здесь «иногда»! Пока ты жив, боль можно поменять на другое чувство. Все можно изменить, но только пока ты живой.
- Валик молча смотрел в потолок:
- Думаешь, мама бы плакала? Если бы я умер.
- Шура покачал головой:
- Она бы поседела от горя. Ты не представляешь, что испытывает мать, у которой умирает ребенок.
  - А ты?
  - Сам-то как думаешь? – Шура состроил брови домиком. – Я же твое магическое существо.
- Валик улыбнулся:
- Ты же не агент под прикрытием, да?
  - Нет, хотя есть похожие черты.
  - Почему вчера не сказал?
  - Не хотел расстраивать. Тебе и так было паршиво.
  - А может, тебя не существует? – задумчиво произнес Валик.
- Шура поперхнулся воздухом:
- Здравсте, приехали! С чего вдруг?
  - Может, я тебя выдумал... и помешался, – продолжал Валик.
  - А Вера?
  - И она помешалась. Мы все здесь чокнутые, – грустно заключил Валик.
  - Я сегодня утром с твоей мамой разговаривал. Она у тебя тоже чокнутая? – скрестил на груди руки Шура. Ход был запрещенный, но рабочий.
- Валик поднял брови:
- Нет... ты что. Нет, нет, конечно, нет.
  - Тогда как? Или ты у нас солипсист?
  - Кто?
  - Солипсисты – чуваки, которые считают, что весь мир вокруг они сами придумали и никакой реальности нет.
  - Ух ты, – искренне восхитился Валик. – Тогда я, наверное, солипсист.
- Прекрасно. Тогда на фи́га ты делал домашку за свое воображение? – осведомился Шура. – Придумал бы сразу готовую.
- Валик сердито отвернулся к стене и положил руку поверх одеяла:
- Дурак. Может, это мои глубинные страхи... которые я не смог усмирить. Ты – воплощение моего желания не быть одиноким, а мама – отражение отношения к себе.
  - Сам дурак! – сварливо откликнулся Шура. – Я ж плод твоего воображения!
- Валик нахмурился:
- Ты можешь хоть секунду быть серьезным?
  - Хорошо, – выдохнул Шура, – давай серьезно. Плод твоего воображения не может обладать собственной волей. А я точно знаю, что могу сейчас подойти и дать тебе пинка.
- Валик недоверчиво выгнул брови:
- Можешь?
- Шура подошел и ущипнул его в плечо. Валик вскрикнул и спрятал руку:
- Ай! Ты вообще-то пнуть собирался!
  - Еще одно доказательство, что не ты тут главный, – заметил Шура.
- Валик обиженно зарылся в одеяло:
- Ну и ладно. Если бы я тебя придумывал, сделал бы не таким страшным.
  - Лучше быть страшным, чем выдуманным, – фыркнул Шура.
- Валик думал, что Шура сейчас уйдет. Наверняка ему больше нечего сказать, Валику вот пока нечего. Но Шура остался сидеть на его стуле, закинув ногу на ногу (он всегда так сидел) и качая ступней (в Валикином тапочке). Валик снова ушел в себя: что заставляет его здесь сидеть? Если теперь доказано, что Шура – не его личный глюк, какая сила удерживает его тут, а маму тянет на работу? Одна и та же или разные?
- Чего расселся? – глухо буркнул Валик.
- Ему не хотелось, чтобы Шура уходил, и он просто проверял эту не-выдумку на прочность. И фиг-знает-кто-но-точно-не-выдумка это, кажется, понимал:
- Хочу и сию. С некоторых пор это не только твоя комната.
  - А стул все еще мой. Брысь.
  - Не брысьну. Чем я тебе мешаю?
  - Всем. – Валик демонстративно прикрылся поднятым плечом.
  - Скажи лучше, мешаю заниматься самобичеванием.

– Может, ты призрак? – Валик высунул голову из-под подушки и опять стал пялиться в потолок. – Вселился в настоящего Шуру Лебедева и разгуливаешь теперь в его теле.

Шура наморщил нос:

– Ну давай, зови экзорциста. Только сначала в неотложку позвони, чтобы в дурку без очереди попасть.

– Не смешно, – помотал головой Валик, – признаки налицо. О смерти говоришь так, будто знаешь, как это, и Вера опять-таки твоя.

– Ну допустим. – Шура заложил руки за голову и откинулся на спинку. – А ты, такой благородный, хочешь Шуру Лебедева вернуть. Да?

– Во-первых, не крутись на моем стуле. А во-вторых, никакой я не благородный, – скривился Валик, – с этого дня для меня это вообще оскорбление. И потом, настоящего Лебедева я не знаю. А тебя знаю. И не хочу менять на неизвестно что.

– Спасибо. – Шура, кажется, немного смутился.

То есть Валик так подумал. Ему показалось, что никакой Шура не призрак, но ему льстит, что, даже будучи неизвестной сущностью, он Валику дороже неизвестного человека.

– Я угадал, призрак? – поинтересовался Валик.

Шура повел плечами:

– Почти. В одном ты прав – я здесь уже был. И очень рад наконец-то сюда вернуться. Поэтому меня пугает, когда ты спрашиваешь, зачем жить в этом мире. На самом деле он нечто большее, чем тебе сейчас кажется.

– Иногда я думаю, что всем без меня будет лучше, – спокойно сказал Валик.

Шура от этого спокойствия покоробило, но он быстро взял себя в руки:

– Во-первых, не всем. Ты не имеешь морального права бросать свое волшебное существо. А во-вторых, я не хочу, чтобы ты сожалел об этом. Вообще, уход из жизни – это безответственность. Человеку на халяву дали возможность чувствовать, общаться с людьми, делать все что душе угодно, а он добровольно отказывается, еще и близким причиняешь боль. У тебя, между прочим, мама есть.

– Ни с какими людьми я общаться не хочу, – открещивался Валик.

– Вообще-вообще? – Шура подался вперед с выражением лица человека, напрашивающегося на комплимент.

– Вообще-вообще, – подтвердил Валик. – Ты же не человек, а магическое существо.

– Прежде всего я родственник из Казани.

Валик хмыкнул, а про себя подцепил еще одну идею. Что, если это... действительно так? Что, если все это один большой длинный розыгрыш и никакое Шура не существо?

Может, он правда родственник. Похожий на Веринного одноклассника, Шуриноного тезку и однофамильца. А сам Шура обычный сын какой-нибудь тети Наташи, с которой он страшно поссорился. Мама не стала разбираться, а Шура просто хотел в Москву. Свечение можно объяснить какой-нибудь блестящей флуоресцентной краской, исключительно чтобы Валика заинтересовать. А всю эту чушь про магическое существо Шура просто придумал ради прикола. Тогда все его версии – попытка догнать горизонт. Такая же фикция, как смысл жизни.

От этого Валику должно было стать легче, но вместо этого навалилась жуткая тоска. Ему захотелось, чтобы Шура срочно доказал, что он не просто родственник из Казани, а самое настоящее волшебное создание, которое летает и плюется огнем. Потому что пока это было так, в его жизни было что-то необычное. Уникальное. И ему... нравилось не знать, кто такой Шура на самом деле. Нравилось перебирать варианты, анализировать факты, сопоставлять сведения. У него была цель! Попроще, чем смысл жизни, не такая острая, не такая серьезная, но все же важная. Валик заставил себя признаться: даже если это была только игра, ему нравилось играть. И он не против поиграть снова. Но не с кем-нибудь другим, а именно с Шурой. Потому что не имеет значения, кто он – родственник из Казани, пришелец, вампир или черт знает кто, все это неважно. При том, что он может быть кем угодно, он всегда остается Шурой. Даже если он не магическое существо.

– Спать хочу... – пробормотал Валик, закрывая глаза.

Больше всего на свете ему сейчас хотелось уснуть. Он действительно устал и не выспался. Может, все люди правда мерзавцы. Но Шура – не человек, он – магическое существо...

Когда Валик проснулся и открыл шторы, было уже часов пять вечера. Шуры в комнате не было, и Валик удивился своему огорчению по этому поводу. С какой стати нормальному абсолютно обычному человеку караулить его целый день? Он наверняка нашел себе занятие поувлекательней.

Валик оделся и подумал, что в шестом часу вечера неплохо уже позавтракать. В холодильнике ничего, кроме яиц и небольшой кастрюльки с су-

пом, не было, а попытки сейчас готовить омлет были бы так же бесплодны, как и его поиски смысла жизни. Наверняка он какой-то есть, если Шура так говорит, но Валику его найти определенно не дано. Придется заняться пережевыванием унылой школьной резинки, чтобы потом переключиться на вуз, пойти на работу и прожить эту жизнь... как-то. Худо-бедно, с переменным успехом. Нормально.

Валик собирался поставить тарелку с супом в микроволновку и заняться глубокомысленным созерцанием процесса согревания еды микроволнами. Но его отвлек звук ключей в замке. Так греметь средненькой связкой ключей могло только одно существо во всем мире.

– Шура! – Валик высунулся из кухни в коридор.

Не-обычный-или-обычный-человек-магическое-существо топтался в коридоре с громоздким белым пакетом:

– Привет! Я думал, успею вернуться, пока спишь... Ты поел?

– Хотел поставить греться.

Шура небрежно махнул рукой:

– Вырубай все, я пиццу принес.

– А маме что скажем?

– Скажу, нашел. – Шура сунул Валику в руку пакет. – Там на дне, только доставай в комнате. Лучше сразу на кровати.

– В смысле сразу?

– Ты будешь вопросы задавать или дело делать? – нетерпеливо торопил его Шура.

Валик сдался и отправился в комнату.

Он ожидал увидеть что угодно. Вот правда, если бы там оказалась отрубленная башка, Валик был бы в меньшем замешательстве. Но в пакете, помимо коробки пиццы, лежали два одинаковых розовых пушистых пледа.

Валик какое-то время вглядывался в них, пощупал, убеждаясь, что они настоящие, а не выдуманные каким-нибудь солипсизмом, и, убедившись, осел на стул.

– Шура-а-а!!!

В комнату сунулась белобрысая голова и две руки с тарелкой:

– Чего тебе?

– Это что? – Валик обеими руками указал на пледы.

– Дурацкий вопрос, – припечатал Шура. – Видно же, что пледы.

– А поч... почему...

– Ты думал, я с тобой тут шутки шучу? – поднял брови определенно-офигенное-хоть-может-и-не-магическое-существо.

– Да почему два-то? – оторопел Валик.

– Потому что я не балабол.

Валик сдался и, откинув голову, захохотал. Он с трудом мог бы вспомнить момент, когда смеялся так громко и так расслабленно. Может быть, с ним такого и не было никогда. А может, и было, он просто не помнит. В любом случае, этот раз был особенным, поскольку смеялся Валик не один.

– Спа-спа-спасибо, – проговорил он, утыкаясь Шуре в плечо.

От смеха на глазах выступили слезы, и это было новое впечатление в жизни Валика.

Шура пару раз приложил ладонью к его макушке:

– Пожалуйста... Тащи пиццу в комнату, телик посмотрим. Или здесь?

– Я те дам «здесь». – Валик дернул полу Шурино джемпера. – Ты опять уляжешься на мою кровать. Все одеяло мне продавил.

– Имей совесть, у тебя их теперь три!

Валика снова накрыло, но уже ненадолго. На этот раз Шура не стал его успокаивать, давая возможность отойти самому. Переодеваясь, он скоммуниздил у Валика футболку, и подросток сделал вид, что не заметил. Она ему все равно пока была велика (мама подарила, сказала, что на вырост и оверсайз). После этого они все-таки перебрались в мамину комнату к телевизору и принялись за пиццу.

Валик не помнил, когда последний раз смотрел телевизор, и вынужден был признать: в этом что-то есть. Когда начинается реклама и тебе нужно сбежать дернуть с кухни попить и успеть вернуться – есть в таких моментах какая-то романтика.

– Ты же все придумал, так? – спросил Валик во время очередной рекламной паузы.

Они с Шурой сидели у изножья маминой кровати, прислонившись к нему, и Шура иногда использовал голову Валика как подлокотник. Валик в свою очередь пользовался Шурой как обогревателем.

– Может, и придумал. Смотри что.

– То, что ты магическое существо. Ты же просто Шура Лебедев из Казани.

Шура оскорбленно выпрямился:

– Как ты смеешь, дерзкий мальчишка!

– Ну... а чем докажешь? – Валик хитро уставился на него.

Игра, очевидно, продолжалась. А может, и не игра. Для необычного создания нет ничего обиднее, чем услышать, что оно – самое обыкновенное.

– То есть то, что я светился, тебя ни на какие мысли не наводит? – съязвил Шура.

Валик пожал плечами:

– Фосфора нажрался, вот и светился.

– Ах, ты ж...

Валик вынужденно откатился назад, чтобы Шура не попал в него некстати подвернувшейся под руку подушкой. Непонятно-теперь-какое-существо подорвалось с крайне разочарованной и кислой миной, покопалось на маминих полках (любопытство победило в Валике охранника частной собственности) и извлекло оттуда фотоальбом.

– Смотри. – Шура ткнул в какую-то фотку.

Валик равнодушно окинул взглядом людей на ней: вот его мама рядом с двумя тетями (ей тут примерно столько же, сколько Шуре сейчас), а рядом какой-то мальчик возраста Валика. Тоже светловолосый, голубоглазый... стоп.

– Погоди секунду. – Валик вырвал у Шурика альбом и всмотрелся в лицо мальчика. – Ты же не... это же не...

– Я. – Шура гордо сложил руки на груди. – Ну и кто теперь обычный?

– А...а... – Валик забыл, что в алфавите есть другие буквы. – А... КАК?

Шура самодовольно усмехнулся:

– Подумай об этом до завтра.

Глава 7. Шура

Шурка! – Валик подобрал удачно валявшуюся подушку и обрушил ее на голову растянувшегося на полу Шура. – Колись уже, гад неизвестной породы!

Шура смеялся, ткнувшись лицом в сгиб локтя, и мотал головой:

– Ни за что!

– Ну Шура! – не унимался Валик, продолжая размахивать своим «оружием». – Ну колись! Иначе я тебя каждый день самолично буду в школу будить, хлеще любого будильника.

– Совести у тебя нет! – воззвал Шура.

– А у тебя, что ли, есть? Я уже неделю бьюсь, а ты – до завтра. – Валик обиженно отвернулся.

Телевизор так и работал с выключенным звуком, предпочитая не вмешиваться в беседу.

– Ну Валь. – Поднявшись, Шура привалился к его спине. – Ты пойми, я не могу просто сказать. Это прозвучит как бред, и ты же сам меня на смех поднимешь. Пока до конца не убедишься...

– Дай подсказку. – Валик обернулся через плечо. Шура почесал затылок:

– Ладно, ты же все равно не отстанешь. Начнем с того, что все твои версии были хоть чуть-чуть, но верны. Кроме робота и пришельца, тут ты перегнул.

Валик опустил голову:

– Сам сказал...

– Да пошутил я, – взмахнул руками Шура, – но это неважно, отрицательный результат – тоже результат. Теперь сопоставляй, ты это умеешь. Я – магическое существо...

– Врешь ты все. Может, ты зомби?

– Зомби мозги ищут, – фыркнул Шура. – Если б я мозги искал, я бы не к тебе пришел.

Валик стукнул его подушкой.

– Думай, Эйнштейн, думай, – подначивал Шура, – я уже сам хочу, чтобы ты догадался. Смотри, я магическое существо. Жил в прошлом, но возраст у меня не изменился. Я не вампир и не путешественник во времени, не демон, поскольку ты меня не вызывал, но приставлен именно к тебе, чтобы оберегать. Что-нибудь приходит на ум?

– Только совсем странное, – признался Валик.

Шура отобрал у него подушку:

– Ну?!

– Я думаю... – слова у Валика шли с трудом, – я думаю, что ты мой... этот... ангел-хранитель. Типа.

– Наконец-то! – завопил Шура и повалился на пол, заложив под голову подушку.

Валик вытаращил глаза:

– Серьезно?

– Да!!! – рявкнул Шура во все горло. – Я же говорил, не поверишь. Но я специально в пиццу попросил чеснок добавить, чистый. Понял?

– Не-а, – честно ответил Валик. – Как это возможно? Я же тебя вижу, слышу, осязаю. И другие тебя видят...

– Я об этом очень просил. – Шура отвел взгляд, переводя дыхание. – Мне это понадобилось, чтобы выполнять работу.

Валик умоляюще смотрел на него во все глаза.

– Расскажи, – попросил он. – Пожалуйста. Угроза про будильник еще в силе.

– Шантажист. – Шура поднялся, задумчиво усмехаясь. Немного помолчал и начал рассказ: – Я умер в шестнадцать лет от рака. В подробности вдаваться не буду, тем более я не очень-то их и помню, скажу только, что это было долго. И страшно, все на меня смотрели так, будто я уже умер... И я много слышал от родственников, что моя двоюродная сестра беременна,

хотя ребенка не очень хочет. Сперва я ужасно рассердился, потому что это было дико нечестно. Этот ребенок, которого даже не хотят, еще не родился, но он уже более живой, чем я. Мне казалось, что ты отнял у меня жизнь. А потом я понял, что это неправильно. Во-первых, ты не был ни в чем виноват, а во-вторых, мне стало тебя очень жалко. Мне казалось, что ты никому не нужен и некому о тебе позаботиться. Я еще больше захотел жить, чтобы у тебя был хоть кто-то рядом... Ты знаешь, кто такая тетя Наташа?

- Нет. Это твоя...
- Мама, да. А твоей маме она родная тетя. Через некоторое время после меня она умерла. Не смогла смириться с моей смертью. Папа умер от цирроза печени, где-то через пару лет после нее... Но тебе этого всего не нужно, важно, что, когда я совсем отошел, первое, что увидел – это тебя. Новорожденного, в палате, у мамы твоей на руках. Я тогда сразу понял: я должен тебя оберегать. Неприятности отводить, прикрывать от опасности, все такое. И я как-то сразу знал, что именно я – твой ангел-хранитель, потому что умер в тот день, когда ты родился. Мне этого никто не говорил, я просто сам это откуда-то знаю. Мы с тобой вроде как связаны этим.
- У тебя были крылья? – зачем-то спросил Валик. Шура пожал плечами:
- Были, наверное. То есть перьев, может, у меня и не было, но мне все время казалось, что я летаю. В общем, тринадцать лет я за тобой таким макаром приглядывал, и все вроде было хорошо. Нормально. А потом я стал видеть странные вещи, что-то типа альтернативного будущего: как ты прыгаешь с крыши и разбиваешься, как ты колешь себе всякую дурь, как... в общем, много всякого разного. Я попытался понять, в чем дело, и увидел, что через некоторое время ты начнешь задумываться о суициде. Не хочу ругать твою маму, все-таки она кухня моя, но ее не было рядом, чтобы тебя уберечь. Никто не говорил тебе, что временное облегчение все равно временное, и ты считал, что никому не нужен. Тогда я стал просить, не знаю, кого, чтобы меня вернули. Я просил, просил, просил, а потом... проснулся в купе поезда Казань – Москва, на верхней полке. Прямо проснулся, как будто все это время там лежал. Нашел в рюкзаке кучу документов, в том числе доверенность на пре-

доставление моих интересов как несовершеннолетнего. А потом твоя мама написала мне в ватсап и спросила, на какой я станции и когда прибывает поезд. Оказалось, ей кто-то на почту написал, что я приеду и какое-то время поживу у вас.

- А что за фигня с племянником кузена и свояченицей?
- Да нет у этого кузена никаких племянников!
- И почему мама тебя не узнала? – Валик склонил голову набок.
- Да мы с ней виделись-то раза три за всю жизнь. И последний раз – лет в двенадцать. Мои двенадцать, конечно, не ее. Ну, в общем... как-то так.

Валик сел, обняв колени, и задумался. Что бы он делал, если бы не Шура? Как бы прошли эти последние несколько дней? Он и так собирался испытывать свой список и наверняка стал бы действовать точно так же. А что бы он делал, если бы не идея с парком? Это же Шура придумал! Валик собирался выбрать что-то по-настоящему опасное... А сегодня? Ведь он сегодня взаправду подумал, так ли нужна его жизнь! Если бы не Шура, кто бы с ним разговаривал?

- Получается, ты мой двоюродный дядя? – уточнил Валик. – А я твой двоюродный племянник, так?

– Выходит, так, – вздохнул Шура.

Валик улыбнулся:

- Класс. Мой двоюродный-дядя-ангел-хранитель ходит со мной в одну школу.

Подросток посмотрел себе под ноги:

- Иногда мне бывает страшно. Правда страшно, а мамы в такие моменты никогда нет. Я иногда хочу, чтобы она была дома. То есть я не маленький, со всем сам справляюсь, но... мне ее не хватает. Я думал, что конкретно ее. А сейчас думаю, что мне не хватало кого-то.

- Кого кого-то? – уточнил Шура.

Валик выдохнул:

- Того, кому интересно, как прошел мой день.

Он отпустил колени, быстро подполз к Шуру и вцепился в него, как в спасательный круг.

Шура накрыл его сверху руками:

- Все будет хорошо. Я сюда пришел именно для этого. Чтобы убедиться, что у тебя все будет хорошо. И я в любом случае никуда не свалю.

- Я же теперь знаю, кто ты...

- Сути это не меняет!

- А ты... если ты уже там был, – Валик устроил подбородок у Шуры в сгибе локтя, – то ты

знаешь, зачем мы живем? В чем смысл нашей жизни?

- Не-а, не знаю, – спокойно возразил Шура. – Думаю, что в любви. И еще в самой жизни. Но тебе там никто не скажет, ты сам все должен понять.
- Ты мне поможешь?
- Конечно. Самому интересно, – улыбнулся Шура. Валик усмехнулся:
- У меня еще много теорий.
- Нам придется посетить еще очень много разных мест, прежде чем ты во всем разберешься. Вернее, мы разберемся, я же теперь человек.
- Какой ты человек? – Валик выпутался из чужих рук. – Ты – магическое существо.
- Родственник из Казани, – сказали оба в один голос и рассмеялись.
Валик снова вцепился в Шуру:
- Что будем делать дальше?
- Придумаем что-нибудь. – Шура легонько потрянул своего подопечного. – И отлепись уже, мне жарко.
Валик помотал головой:
- Обойдешься...
- Шура вздохнул: он как никто знал, что у Валика впервые есть возможность в кого-то вцепиться.
- Ничего не бойся, понял? – Он погладил своего подопечного по голове. – Ничего не бойся. Я здесь.

